

Чиняков Олег Евгеньевич

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ СТ. 213 УК РФ (ХУЛИГАНСТВО)

Автором проведен уголовно-правовой анализ объективных и субъективных признаков хулиганства как уголовно-наказуемого деяния. Исследованы проблемы квалификации хулиганства сквозь призму существенных изменений состава данного преступления и научных дискуссий относительно различных аспектов хулиганства. Обращено внимание на необходимость изменения и дополнения законодательства, предусматривающего ответственность за хулиганство. В статье приводится авторский подход к пониманию юридической конструкции ст. 213 УК РФ, предусматривающей ответственность за хулиганство, предложены меры, направленные на ее усовершенствование.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 207-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 343.348

Юридические науки

Автором проведен уголовно-правовой анализ объективных и субъективных признаков хулиганства как уголовно-наказуемого деяния. Исследованы проблемы квалификации хулиганства сквозь призму существенных изменений состава данного преступления и научных дискуссий относительно различных аспектов хулиганства. Обращено внимание на необходимость изменения и дополнения законодательства, предусматривающего ответственность за хулиганство. В статье приводится авторский подход к пониманию юридической конструкции ст. 213 УК РФ, предусматривающей ответственность за хулиганство, предложены меры, направленные на ее усовершенствование.

Ключевые слова и фразы: хулиганство; мотив; общественный порядок; неуважение к обществу; ненависть; вражда; общество; социальная группа.

Чиняков Олег Евгеньевич, к.и.н.

Мордовский гуманитарный институт

chinyakov.oleg@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ СТ. 213 УК РФ (ХУЛИГАНСТВО)[©]

Хулиганство сегодня – довольно распространенное деяние среди преступлений против общественного порядка. Статистика в данном вопросе довольно тревожна. Хулиганы составляют почти четверть всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Признаком уникальности этого преступления можно считать его «многоликость», поскольку оно посягает на множество охраняемых законом объектов, часто перерастает в другие, более тяжкие преступления, что придает ему особое качество. Все это отразилось на юридической конструкции ст. 213 УК РФ, предусматривающей ответственность за хулиганство, которая порождает много споров и вопросов. Противодействие со стороны общества и государства этому опасному явлению было и остается актуальным, поэтому требует научного анализа этой проблемы.

Хулиганство включено в главу 24 УК РФ как преступление, посягающее на общественную безопасность и общественный порядок. Однако сегодня продолжает оставаться неясным вопрос относительно объекта, охраняемого составом ст. 213 УК РФ. Уголовное законодательство Советского государства объектом хулиганства рассматривало общественный порядок. Уголовный кодекс Российской Федерации занимает по этому вопросу позицию, которую оценить однозначно не представляется возможным. За последнее время этот состав преступления претерпел существенные изменения, что породило серьезные научные дискуссии относительно различных аспектов хулиганства.

В настоящее время уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 213 УК РФ, в существующей редакции влечет за собой массу дискуссий как в теории, так и на практике. Действующая редакция ч. 1 статьи 213 УК РФ включает в себя два принципиально отличающихся друг от друга (в первую очередь по непосредственному объекту) деяния: а) хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; б) хулиганство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Как указывает Л. А. Есина, уголовно-наказуемое хулиганство представлено ныне в виде двух качественно разных самостоятельных преступлений, одно из которых усугублено применением оружия, а другое – специальным мотивом [4, с. 12]. Полагаем, что это свидетельствует об отсутствии у законодателя представления о непосредственном объекте рассматриваемого деяния.

Как известно, мотивом «классического» хулиганства является умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним [8, с. 107]. Мотив же, закрепленный в п. «б» ч. 1 статьи 213 УК РФ, ставит под сомнение возможность установления классических признаков хулиганства. Полагаем, что совершение хулиганства, основанное на экстремистской мотивации, является персонализированным деянием, так как оно обусловлено желанием виновного указать на неполноценность определенным личностям, относящимся к иным расам, национальностям, религиям, политическим и идеологическим или социальным группам. А это, в свою очередь, исключает непосредственное посягательство на общественный порядок в целом, так как в данном случае деяние направлено на интересы определенной социальной ячейки, а не всего общества. Анализ статьи 213 УК РФ указывает и на то, что существующая юридическая конструкция анализируемой нормы порождает дискуссии в определении признаков объективной стороны преступления. Хотя преступление, ответственность за которое предусмотрена названной нормой, на наш взгляд, нельзя в полной мере считать экстремистским, однако, учитывая ее современную законодательную формулировку, правоприменитель с неизбежностью сталкивается с вопросами квалификации этого деяния при совершении его по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной

ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Основной проблемой при этом является отграничение преступления, предусмотренного пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ, от смежных составов преступлений (например, отраженных в п. «д» и «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; п. «а» и «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ; п. «а» и «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ).

В рассматриваемом преступлении в качестве противоправного выступает такое поведение виновного, которое грубо нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу. Безусловно, наличие в норме оценочных признаков создает определенные сложности в квалификации соответствующего деяния. Следует отметить, что в доктрине уголовного права до сих пор не существует единства во мнениях по поводу содержания понятия «грубое нарушение общественного порядка».

Так, по мнению А. В. Наумова, грубое – это существенное нарушение общественного порядка [10, с. 259]. Однако в данном случае автор заменяет одно оценочное понятие другим, что, конечно же, не является решением проблемы. А. А. Рождествина и А. Б. Смушкин считают, что признаками грубого нарушения общественного порядка являются место, время, способ, характер наступивших последствий и продолжительность деяния [6, с. 319]. Некоторые ученые утверждают, что о грубости также может свидетельствовать и психическое насилие как форма выражения неуважения к окружающим [2, с. 154]. Как видим, и в этом случае названные авторы лишь перечисляют соответствующие признаки, не раскрывая их содержания. Ничего не дает в плане уяснения сущности анализируемой категории и обращение к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [11], поскольку оно практически дублирует вышеизложенные доктринальные подходы.

Такие же проблемы возникают и при определении признаков явного неуважения к обществу. Можно предположить, что критерием неуважения является именно общественное место. Однако постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», давая характеристику такому оценочному понятию, как «явное неуважение лица к обществу», указывает лишь на «умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним», не упоминая о месте совершения указанного преступления.

На наш взгляд, указание на место совершения хулиганства должно быть в обязательном порядке закреплено не только в упомянутом акте судебного толкования, но и в самом законе, поскольку логика подсказывает, что нарушение общественного порядка возможно только в общественном месте.

Следует отметить, что современное законодательство не содержит нормативно закреплённого понятия «общественное место». В доктрине существует несколько подходов к его определению. В частности, С. В. Борисов считает, что в качестве такового должно рассматриваться место, непосредственно предназначенное для общения людей, вне зависимости от количественного присутствия граждан [3, с. 71]. А. И. Рарог в своей авторской дефиниции общественного места предлагает под ним понимать места, постоянно или временно предназначенные для посещения неопределённым кругом лиц, исходя из специально предусмотренного социального назначения [5, с. 480].

Можно согласиться с мнением названных выше ученых о целесообразности определения общественных мест. Однако считаем, что при посягательстве на общественный порядок в качестве критериообразующих признаков общественного места должна выступать не только непосредственная его характеристика, но и обязательное указание на присутствие при совершении хулиганских действий граждан (публичность).

Отдельного разговора заслуживает проблема разграничения между юридическим и психологическим пониманием мотивов хулиганства. Возникает вопрос: можно ли говорить о недопустимости расширительного толкования хулиганских побуждений? По мнению И. И. Тазина, формулировка «хулиганские побуждения» применима в отношении ограниченного круга преступлений с процессуальной мотивацией, совершаемых в состоянии смысловой опустошенности личности с целью получения психологической выгоды (удовольствия) от процесса причинения вреда. Таким образом, автор предлагает определение хулиганских побуждений как стремления к причинению вреда личности при отсутствии неприязненных отношений с ней, а равно ее имуществу, ради получения удовольствия [11, с. 127].

Определяя специфику субъективной стороны статьи 213 УК РФ, необходимо остановиться на мотивации преступного поведения, чаще всего и порождающей проблемы при квалификации.

Мотив, предусмотренный в пункте «б» части 1 статьи 213 УК РФ, включен в статье 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. При этом данный отягчающий признак также нашел свое отражение в качестве квалифицирующих признаков в ряде составов преступления (п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115; ч. 2 ст. 116; п. «з» ч. 2 ст. 117 и др.). Как видим, критериообразующим признаком является ненависть или вражда, а уже потом их разновидности (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная). В этой связи необходимо обратиться к этимологии соответствующих понятий.

А. С. Барихин рассматривает термины «ненависть» и «вражда» как синонимы [1, с. 231]. Схожее мнение высказывает И. Н. Масликов, определяющий, что ненависть – это чувство вражды, вызванное одиноличной или взаимной неприязнью в отношении как индивидуума, так и неопределённого круга лиц [7, с. 274].

В психологии ненависть воспринимается как устойчивое, сопряженное с моторикой негативное ощущение человека, нацеленное на события (явления), противные его мировоззрению. Ненависть способна выражаться

не только в соответствующих оценках, но и в активной деятельности. Чаще всего формированию ненависти предшествуют недовольство, отрицательные переживания и т.д. Причиной возникновения данного негативного чувства является субъективная оценка определенных событий, явлений, фактов как отрицательных. Все это дает нам основание констатировать, что ненависть выражается в пассивной деятельности лица, отражающей лишь его негативное психическое отношение к определенным событиям либо лицам. Вражда предполагает активную деятельность лица в виде совершения каких-либо противоправных действий, мотивированных ранее сформировавшейся ненавистью, что дает основание констатировать невозможность использования терминов «ненависть» и «вражда» как синонимичных.

Раскрывая политическое содержание преступной мотивации, следует отметить, что вообще политика – это деятельность в сфере отношений между большими социальными группами, нациями и государствами.

В доктрине существует несколько подходов, определяющих содержание политической мотивации при совершении преступлений экстремистской направленности. Например, мотив политической ненависти или вражды – это мотивация, непосредственно связанная с определенной деятельностью потерпевшего или субъекта преступления. К сожалению, такое понимание мотива политической ненависти или вражды является весьма неопределенным по своему содержанию, не дает объективной возможности отграничить общее уголовное преступление от деяний экстремистской направленности даже при наличии специальных потерпевших (например, убийство представителя политической партии по мотиву личной неприязни).

Исходя из содержания термина «идеология», идеологическая мотивация представляет собой ненависть или вражду, основанную на радикальном неприятии идей, которых придерживаются потерпевшие. Под идеологической ненавистью или враждой следует понимать ненависть или вражду, возникшую по причине несовпадения представлений, понятий и взглядов у субъекта преступления и у потерпевшего. Еще одной разновидностью преступной мотивации в таких преступлениях является расовая и национальная ненависть. В ее основе, как правило, лежит представление о принадлежности потерпевшего к иной расе или национальности. Расовая ненависть тесно связана с ненавистью, возникающей на национальной почве, и по определению не может существовать одна без другой. То, что представители иных наций чаще всего обладают отличительными от виновных чертами, с которыми не согласны агрессоры, и выступает в качестве детерминанта их преступного поведения.

Еще одним признаком, характеризующим хулиганство, является совершение деяния по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Основной проблемой при установлении данногоотягчающего обстоятельства является и будет являться определение признаков социальных групп, в отношении которых возможно совершение рассматриваемых преступлений. Использование местоимения «какой-либо» указывает на то, что даже для самого законодателя этот вопрос является неопределенным. Это подтверждается и отсутствием разъяснений уполномоченных на то органов, а также сумбурно формирующейся судебно-следственной практикой.

Признаками социальной группы выступают: количественный критерий и наличие взаимообусловленных связей, что и предопределяет принадлежность к конкретной группе.

Исследование данного вопроса показывает, что часть 1 ст. 213 УК РФ в действующей редакции порождает достаточно большое количество проблем при квалификации. Считаем, что юридическая конструкция ст. 213 УК РФ, предусматривающей ответственность за хулиганство, нуждается в усовершенствовании. Принимая во внимание то, что в статье 213 УК РФ законодателем необоснованно объединены принципиально разные преступления, необходимо на основе признаков, закрепленных в пункте «б» части 1 данной нормы, криминализировать самостоятельный состав преступления «Экстремистское хулиганство», разместив его в главе 29 УК РФ.

Список литературы

1. **Барихин А. С.** Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
2. **Батюкова В. Е.** Общая характеристика трудностей, возникающих в следственной и судебной практике при квалификации хулиганства // Образование и право. 2013. № 7. С. 150-159.
3. **Борисов С. В.** Квалификация хулиганства: теория и практика: монография. М.: МВД Российской Федерации, 2007. 187 с.
4. **Есина Л. А.** Квалификация хулиганства и иных преступлений, совершенных из хулиганских побуждений: автореф. дисс. ... к.ю.н. Челябинск, 2011. 26 с.
5. **Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации** / отв. ред. А. И. Рарог. Изд-е 10-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 960 с.
6. **Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный** / А. А. Рождествина, А. Б. Смушкин. М.: Кнорус, 2013. 464 с.
7. **Масликов И. Н.** Юридический словарь. М.: Дашков и Ко, 2010. 320 с.
8. **Орлова В. А.** Понятие и виды хулиганства в современном российском законодательстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 5. С. 106-109.
9. **Российская газета.** 2007. 21 ноября.
10. **Российское уголовное право: курс лекций: в 3-х т.** / отв. ред. А. В. Наумов. М.: Волтерс Клувер, 2011. 768 с.
11. **Тазин И. И.** Психологическое содержание хулиганских побуждений как мотива преступления // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (85). С. 125-128.

FEATURES OF LEGAL STRUCTURE OF ARTICLE 213 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (HOOLIGANISM)

Chinyakov Oleg Evgen'evich, Ph. D. in History
Mordovian Institute for the Humanities
chinyakov.oleg@yandex.ru

The author conducts a criminal legal analysis of the objective and subjective signs of hooliganism as a punishable act. The problems of hooliganism qualification in terms of the significant changes of the components of the crime and scientific discussions on various aspects of hooliganism are studied. Attention is paid to a need for amendments to legislation providing liability for hooliganism. The paper presents the author's approach to the understanding of the legal structure of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides liability for hooliganism, and proposes measures for its improvement.

Key words and phrases: hooliganism; motive; public order; disrespect for society; detestation; hostility; society; social group.

УДК 1.17.023.36

Культурология

В статье сделана попытка создания модели, в которой отражены процессы и явления исполнительства. Её суть – в преодолении стагнирующего воздействия бюрократии, порождающей свою профессиональную псевдокультуру, игнорирующую человека, его мир и отражение этого мира в художественном творчестве. Также рассматривается трансформация сущности творческой деятельности в труд исполнительства, характеризующегося взаимодействием автора и медиатора-посредника, способного упрочить его позиции за счёт своих внутренних резервов.

Ключевые слова и фразы: исполнительство; исполнительская культура; творчество и сотворчество; художественное творчество; взаимодействие; полимодальность; интенциональность.

Шапиро Оксана Владимировна

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
oxanashapiro@yandex.ru

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТВОРЧЕСКОЙ И СОТВОРЧЕСКОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ КУЛЬТУР[©]

Проблемы моделирования субъективного мира человека являются сегодня важнейшей задачей для исследователей [1, с. 10]. Одна из трудностей научного поиска обусловлена тем, что происходит подмена субъективного мира личности свойствами мира объективного, т.е. самой реальности. Возникает путаница, при которой исчезает феноменология исполнительской деятельности. Модели творческой и исполнительской деятельности представляют собой *динамические знаковые системы*, передающие важнейшие свойства субъекта этой деятельности. Главной задачей в контексте статьи является создание порождающей модели, в которой найдут своё отражение процессы и явления исполнительства.

Подлинное исполнительство всегда диалектично, а потому помимо логики включает в себя *интуицию*, т.е. работу сознания по своим внутренним, оригинальным законам. Именно последнее обстоятельство позволяет рассматривать исполнителя как свободную и творческую личность. Любые формальности, структурированная предсказуемость действий-приёмов встречаются ею с пониманием, с хорошим осознанием практического результата от таких привычных действий. Но, кроме того, в человеке заложено особое метафизическое начало творчества, о котором М. К. Мамардашвили писал: «Помимо того, что мы могли бы описать как натурально существующее, есть ещё и некая действующая сила, толкающая его всё время к выходу за эти пределы и трансцендированию» [5].

Опыт отдельного человека ограничен. Много не входит и не может войти в орбиту его жизни. В этом случае искусство как особый механизм «удвоения» жизни обладает возможностями безграничного расширения опыта духовного отношения к миру. Концепция, связанная с генезисом искусства, называемая «имитационной теорией» [8, с. 95], утверждает, что в искусстве проявляется *инстинкт подражания*. Модальность искусства заключается не в научении, а в объяснении различных форм человеческой жизни, хотя подобное мнение чрезвычайно распространено. Столкновение художественных представлений с реальным опытом личности быстро развенчивает эту гипотезу. Но возникла она далеко не случайно. Ибо искусство тоже создает духовный опыт души и сердца, благодаря которому человек, переживая и размышляя, восходит к миру Духа. Модальность художественных возможностей объединяется в этом случае с модальностью желания, повеления, потребности. Возникает *полимодальность* исполнительского бытия, обеспечивающая